

ФИЛОЛОГИЯ

Языки народов Российской Федерации **(языки народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК 821-35

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-267-288

EDN: PLXJLX

ПОЛИЛОГИИ В СИСТЕМЕ ЦИКЛИЧЕСКИХ СТРУКТУР (ЭПИЧЕСКИЕ СЕРИИ И РОМАННЫЕ ЦИКЛЫ)

Асият Даутовна Атабиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра РАН, Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Аннотация. Цель данного исследования – анализ «неожанровой парадигмы» балкарской прозы, преимущественно полилогических форм (эпических серий и романских циклов). В работе рассматриваются принципы циклизации серийных произведений эпического жанра, способы структурирования политекстовых образований. Соответственно, в преамбуле статьи представлен обзор художественного явления, называемого полилогиями, разъяснены функционально-конструктивные особенности романов, входящих в их состав. В целом научная новизна исследования заключается в цикловедческом разборе произведений отдельных авторов на предмет повторного обращения к однажды затронутой проблеме. Важными акцентами контекстуального анализа видятся вопросы соотношения уже «готовой» художественной целостности (коими являются отдельные романы) и постепенно формирующейся, усложненной матрицы романного цикла (ансамблевое единство из нескольких самостоятельных книг). Подобные формы, безусловно, представляют собой «открытое множество», основанное на единой авторской концепции. Произведения из эпических серий могут функционировать автономно, вместе с тем совокупная трактовка идейного наполнения текстов привносит дополнительные ракурсы в осмысление их содержания, разъясняет исходный замысел писателя, образуя контекстную связность частей многомерной структуры. Благодаря такому подходу происходит сближение несколько смежных произведений (на интуитивном и мыслительном уровнях), в которых улавливается смысловая сопричастность друг к другу. Устойчивыми чертами полилогических форм обозначены: наличие «предтекста», а в ряде случаев – рефранных сюжетных линий, кочующих героев, централизующей проблематики, открытой фабулы, создающей эффект прерванности и незавершенности повествования, контекстно-концептуальная взаимодополняемость. В приводимых примерах отслеживаются развернутость обобщающей проблематики, стилистические дублеты, содержательная перспектива с возможностью расширения и дополнения, многоярусность структуры, варьирование способов формирования внутритекстовой целокупности. Стратегия выстраивания работы обусловлена спецификой выдвинутых задач.

Ключевые слова: циклические структуры, полилогические формы, эпические серии, романские циклы, неожанровая парадигма.

Для цитирования: Атабиева А.Д. Полилогии в системе циклических структур (эпические серии и романские циклы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 267-288. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-267-288. EDN: PLXJLX.

© Атабиева А.Д., 2024

Original article

POLYLOGIES IN THE SYSTEM OF CYCLIC STRUCTURES (EPIC SERIES AND NOVEL CYCLES)

Asiyat D. Atabieva

Institute for Humanitarian Studies – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Abstract. The goal of this research is to examine the "neo-genre paradigm" of Balkarian literature, particularly polylogical forms (epic series and novel cycles). The study discusses the principles of cyclization of serial works of the epic genre, methods of constructing polytextual formations. Accordingly, the preamble of the article provides an overview of the artistic phenomenon called polylogies, explains the functional and constructive features of the novels that make up them. In general, the scientific novelty of the study lies in the cyclological analysis of the works of individual authors for the purpose of revisiting the problem once touched upon. Important accents of contextual analysis are the issues of the relationship between the already "ready-made" artistic integrity (which are individual novels) and the gradually forming, complicated matrix of the novel cycle (an ensemble unity of several independent books). Such forms, of course, represent an "open set" based on a single author's concept. Works from epic series can function autonomously, at the same time, the combined interpretation of the ideological content of texts introduces additional perspectives in the meaning of their content, clarifies the original intention of the writer, forming a contextual coherence of parts of a multidimensional structure. Thanks to this approach, several related works come together (on an intuitive and mental level), in which semantic involvement with each other is captured. Stable features of polylogical forms are indicated by the presence of a "preface", and in some cases – refrained storylines, wandering characters, centralizing issues, an open plot that creates the effect of interruption and incompleteness of the narrative, contextual and conceptual complementarity. In the examples given, the unfoldment of generalizing issues, stylistic doublets, a meaningful perspective with the possibility of expansion and addition, a multi-layered structure, and varying ways of forming an intra-textual totality are monitored. The strategy of building work is determined by the specifics of the tasks put forward.

Keywords: cyclic structures, polylogical forms, epic series, novel cycles, non-genre paradigm.

For citation: Atabieva A.D. Polylogies in the system of cyclic structures (epic series and novel cycles). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 267-288. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-267-288. EDN: PLXJLX.

© Atabieva A.D., 2024

Появление в балкарской эпической прозе дифференцированных полилогических форм – свидетельство эволюции историзма мышления национальных писателей, подтверждение высокого эстетического уровня литературы. Интерес к созданию романских циклов (в том числе дилогий, трилогий, эпопейных по-

вестований) продиктован актуальными тенденциями художественной словесности в определенные периоды. Закономерно, что эпический «цикл стал важнейшим членом нежанровой парадигмы рубежа XIX–XX веков» [Бардыкова 2010: 20]. Наличие масштабных произведений серийного характера – результат расширения рамок романного жанра. Эпическое воссоздание значимых исторических событий зачастую зависит от того, насколько точно художникам удастся постичь их противоречивую природу. Жизненный материал дает авторам возможность воплотить прогрессивные художественные идеи. Полилогии – суть те же повествовательные циклы, образующиеся путем объединения текстов крупной жанровой формы. «Цикл и роман образуют не просто единство, а скорее синтез, в котором роман может быть рассмотрен как элемент цикла, что не противоречит особенностям цикла как сверхжанрового образования» [Нестерова 2012: 21].

Серийные романские модели рассматриваются в литературоведческой науке как виды полилогий, характеризующиеся циклическим структурированием частей (книг). В контексте таких произведений историческое время и проблематика пересекаются, получая дальнейшее развертывание. «Полилогическая форма, подчиненная сюжету, фабуле, персонажу, нашла воплощение преимущественно в прозе» [Баланчук 2010: 12]. Базисным в формировании структуры любого цикла является принцип взаимодополняемости, ключевым в поэтике эпического цикла видится лейтмотив либо образы, выполняющие подобную функцию. Лейтмотив может быть «пространственным, ситуационным, сопряженным и с темой, и с идеей произведения, способствующим его целостности» [Бардыкова 2010: 17]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в широком контексте балкарских романов особая роль отведена лейтмотиву исторической памяти. Такие мотивы-доминанты выстраивают архитектурный остов серийного эпического повествования. Сквозные формально-смысловые комплексы, повторяющиеся сюжетные мотивы, герои, эпизоды образуют идейное ядро нескольких связанных текстов, что позволяет сохранить логику причин и следствий, мотивированность действий главных персонажей. Наблюдаются идейный параллелизм, спаянность смысловых и фактурных элементов полилогической структуры, определяются содержательные переклички.

В эпических сериях нередко может происходить последующее внедрение узлового сюжета из повести в роман (данное явление будет рассмотрено на конкретных примерах из национальной литературы). Очевидно, что «С этим тесно связан вопрос об антологическом статусе литературного произведения в аспекте его специфической принадлежности к категории жанра и литературного рода» [Дарвин 1996: 3]. Исследователи отмечают метажанровую специфику и интегративную способность эпического цикла. «Жанровые интенции произведений-частей не «истребляются» в составе большого контекста издания, но созидают новое качество многоуровневой структуры, «соизмеряются с доминирующим метажанровым смыслом» [Мирошникова 2011: 109]. Таким образом, части эпического цикла связаны между собой по принципу симметрии и синергии. В отдельных произведениях возможна «смена идейно-тематических центров» (О.Е. Баланчук), что придает романам в составе полилогической целост-

ности относительную самостоятельность. Тем не менее, идейный замысел автора полностью раскрывается в совокупности нескольких произведений. «Связь книги с такими явлениями, как цикл и полилогии, не вызывает сомнения, так как обе формы в большей степени реализуются именно посредством книжного (издательского) оформления» [Баланчук 2010: 12], чему способствует и пространственно-временная организация эпических текстов. Произведение, прилегающее к эпическому циклу, функционирует как отдельно, так и органично вписываясь в заданную автором целостность. Связь между частями базируется на первоначальном замысле художника. Все это в итоге обуславливает специфику комплектации текстового материала.

В эпических циклах определяется такая жанрово-видовая дифференциация, как семейная хроника, когда смысловая общность нескольких произведений обнаруживается в системе сквозных персонажей, связанных кровным родством. В полилогических структурах подобного рода отмечается дневниковость повествования. Изображаемые писателем события выстраиваются в хронологическую последовательность так, чтобы образы главных героев были представлены в развитии на фоне меняющейся социально-политической и исторической действительности (такая модель используется главным образом в многочастных эпических повествованиях – дилогиях, трилогиях и т.д.). Иначе говоря, части полилогий составляют единое целое и с идейной точки зрения, и в плане целостности развертывания сюжета, и на образно-тематическом уровне.

Значимыми вопросами в изучении полилогических структур являются поэтика диалогической формы и специфика ее бытования. Исследователем О.Е. Баланчук предложено классифицировать дилогии по истории их создания, степени завершенности «превозэлементов» (серийные повествования «открытого» и «закрытого» типа), в зависимости от принципов текстовой организации (том, книга), статуса доминирующего героя в обеих частях и жанрово-видовой принадлежности. Согласно предложенной схеме, в составе дилогии предполагается функционирование «предтекста». В качестве такового могут выступать повесть либо роман. В диалогической структуре происходит одновременное уравнивание и соподчинение произведений, поэтому попытка разъединения текстов приводит к ослаблению их фабульного единства.

Части полилогической формы необходимо рассматривать как композиционно завершенные произведения, образующие вместе целостный «текст», широкий «контекст» и «интертекст», между которыми существует не только мотивная или содержательная, но и нередко образная связь. Каждая последующая книга способствует дальнейшему расширению заданной проблематики и раскрытию единой авторской концепции. Поэтика полилогий усложняется наличием в них разветвленных сюжетных линий и ассоциативных мифоэпических ярусов.

Потенциальные возможности циклической структуры способствуют созидательному освоению действительности, так как позволяют представить целостную картину всех видимых ракурсов реальности, подчиняясь воплощению глобального содержания через индивидуальное мировидение автора. Тексты-сегменты взаимодействуют по принципу синергии, значительно дополняя выраженную в каждом из них информацию, и все это переплавляется в единое

ценностное содержание. Речь идет о таком типе художественной целостности, в основе которого «лежит условно-антиномическая концепция личности (циклическое событие), реализуемая в контекстуальных взаимодействиях произведений по функциональным принципам «интеграции и сегрегации (В. Киселев)» [Пивоварова 2018: 42]. Под данное определение подпадают прозаические серии. Нас в большей степени интересуют романские циклы, характеризующиеся эпически широким воплощением исторической действительности, в которых прослеживается закономерный переход к усложнению композиции. Существует также пласт художественных произведений, в которых наблюдается смешение формообразующих признаков (романы-эпопеи).

В эпическом творчестве карачаево-балкарских писателей тяготение к аккумуляции смыслов, синергии информативных пластов приводит к трансформации жанрово-видовых признаков романа, к выработке особой художественной формы – эпического цикла. В этом плане интересно будет рассмотреть основные принципы структурирования произведений в эпических сериях, крупных повествовательных образцах, основывающихся на циклическом принципе объединения частей-книг. Имеются в виду многосубъектные произведения с последовательно развертывающимся повествованием, основанные на смысловых пересечениях текстовых составляющих. При таком подходе история отдельно взятой семьи, к примеру, предстает в каждом последующем произведении в дополненной новыми подробностями, сюжетно-тематическими линиями форме. В содержании полилогий писатели стремятся отразить эпохальное сознание своих современников.

Крупноформатный «цикл возникает на пересечении разнонаправленных жанров, когда осознается их взаимосвязь, обусловленная общностью предмета. <...> Такое соединение <...> предполагает также совмещение разных типов повествования» [Шрага 2009: 5]. Маркером серийной прозы служит «открытый» тип текста, незавершенный финал. Писателям требуется время для продумывания стратегии дальнейшего раскрытия актуальной проблематики. Такая творческая пауза необходима для полноценной реализации идейного замысла. Эпическая полнота в полилогиях достигается за счет расширения рамок повествования, что, естественно, влечет за собой выход за пределы художественного пространства отдельного романа, подразумевая включение дополнительных мотивов, привнесение новых сюжетных линий и фокусировку на определенной проблематике. Может показаться, что подобное строение серийных произведений не позволяет достичь максимально тесного единства контекста, но способно перерастать в многотомный цикл романов.

Обращение к таким формам продиктовано потребностью в фиксации значимых перемен в общественной жизни и в психологии главных героев. Доминирующий в предтексте сквозной персонаж в следующей книге может отойти на второй план, следовательно, меняется и его статус. Точно так же части полилогий могут быть дифференцированы на две или три книги, либо оставаться в общем книжном формате, как это происходит с романом-эпопеей (таким образом, сложная многоуровневая структура остается устойчивой и незыблемой).

На определенном этапе творческой эволюции региональные писатели смогли развить панорамное мышление настолько, что обрели способность к объективации жизненных реалий при видимой хронотопической удаленности таковых, сохраняя в равновесных частях эпического цикла взаимосвязь социально-общественных событий, соотнесенность фактов истории с судьбами действующих персонажей.

Писателей, освоивших циклический принцип текстопостроения в крупных прозаических формах, немного, и это сложившиеся мастера художественного слова. Творчески дозрев до создания серийных текстов, объединенных общей идейной составляющей, они находятся в поиске нестандартных решений в транслировании эпических картин. В полилогических структурах, созданных национальными прозаиками во второй половине XX и начала XXI веков, доминируют историческая, социально-политическая, духовно-нравственная проблематики. В серийных произведениях балкарской прозы получают полновесное отражение революционные преобразования, процесс коллективизации, колхозного строительства, реалии военного времени и тема депортации. События, ставшие предметом осмысления в романах, естественно, предопределяли максимальную усложненность повествовательной конструкции. Накапливая информацию с разных источников и размышляя на заданную тему, прозаики стремились осветить переломные этапы этнической истории, выстраивая хронику революционного прошлого, военных лет, послевоенных десятилетий, выселенческого периода и современной действительности. Так в полилогиях достигалось полномасштабное отражение той проблематики, что мыслилась актуальной на момент их создания.

Балкарская проза второй половины XX века, ввиду выраженной эпичности, обращена к судьбоносным событиям, связанным с жизнью народа. Критикой отмечается, в частности, что «конец 60-х годов вошел в историю развития прозы балкарцев как особый период, когда многие писатели начинают ориентироваться на преодоление однопланового изображения жизни, на создание таких произведений, которые бы вписывались в контекст художественных общесоюзных исканий. В этом плане обозначенный период является началом качественно новых эстетических контактов балкарской литературы с духовными ценностями других народов в целенаправленном использовании их литературных традиций» [Толгуров 2010: 195].

Подспудно ориентируясь на общемировые аналоги, испытывая потребность в относительно мобильном жанре или форме, которые позволят вместить масштабы индивидуальных мировоззренческих интересов, писатели использовали наиболее эффективные методы эпической трансляции событий. Национальная литература, развивающаяся в русле реалистических тенденций в изображении мира и человека, закономерно включается в процесс переосмысления новой действительности на очередном витке истории государства, раскрывая причины и следствия происходящих преобразований, сущность анализируемых эпох.

Значительное место в эпических произведениях национальных писателей, безусловно, занимает история. Авторы сознательно разбавляют хронологию событий, сочетая в сюжетике повестей и романов прошлое и настоящее в попытке

восстановить прерванную связь времен, проследить эволюцию личности персонажей. Время действия в полилогиях закономерно «мигрирует» в иные текстовые пространства, так чтобы ценностное содержание повествования раскрывалось непрерывно и поэтапно. Противоречивость взаимосвязей человеческих судеб и бытия в целом получает должное отражение в творчестве ведущих балкарских писателей (З.Х. Толгурова, А.М. Теппеева). Несмотря на внешне сложную структурно-содержательную организацию художественных произведений (в особенности такого важного момента, как труднодостижимость концептуального плана), нельзя не отметить полноту реализации и обоснованность выбора конкретной проблематики. Герои балкарских романов нередко имеют реальных прототипов, создавая ощущение, что отдельные образы списаны с личности самих писателей. Таков художник Зекерия – общий герой повести «Тёгюлген минчакъла» («Рассыпавшиеся бусы») и романа «Акъ жыйрыкъ» («Белое платье») З. Толгурова. Аналогично представлен Баязир в одноименном романе А. Теппеева (одна из трех книг мифопоэтической серии).

Философичность и аллегоричность – определяющие черты прозы З. Толгурова. Писатель активно генерирует в своем творчестве прогрессивные идеи. Авторской манере свойственна детализированность описаний, скрытая ирония, драматизм и глубинный психологизм, комплекс выводимых ассоциаций и символов. Первое произведение («Рассыпавшиеся бусы») выступает в качестве предтекста или первоэлемента (т.е. фабула повести несколько позже реализована в широком контексте романа), «Белое платье» – более развернутое, целостное и завершенное повествование на заданную тему. Толгуровым использована циклическая модель, когда в композицию романа интегрирован централизующий сюжет о судьбах художника Зекерии и его возлюбленной Аскерхан. В данном случае «вторичный (последующий) текст – это не просто продолжение ранее созданного единичного произведения, это текст, в рамках которого происходит окончательная реализация предтекста как в сюжетно-композиционном, так и идейно-тематическом аспектах» [Баланчук 2012: 378]. Автором использованы возможности повествовательного цикла с намерением глубже и основательнее показать процесс самоопределения личности, ее нравственных поисков, выявить факторы, мотивирующие и обуславливающие поступки героев. Фабула, весь композиционный строй, локус внимания автора центрированы на теме любви и противоречивых взаимоотношениях основных персонажей. Эта сюжетная линия из первого произведения плавно перетекает в содержательные рамки более крупного эпического повествования в дополнение к иным параллельно развивающимся линиям (аналогичная схема развития рефренного сюжета наблюдается в повести А. Теппеева «Солнце не заходит» и романе «Мост Сират», тексты которых соотносимы содержательно, композиционно и на уровне образных ассоциаций).

Тяготение к эпической циклизации ярко проявилось в творчестве А. Теппеева. Проза автора характеризуется рефренностью сюжетики и образной системы. Таков, к примеру, метафорический образ аула Жамауат, кочующий из текста в текст, который служит знаковым образом, скрепляющим воедино несколько самостоятельных повествований. Упоминание о нем обнаруживается еще в ранней

повести писателя «Тузлу гюттю» («Пересоленный чурек») и получает дальнейшую реализацию в содержании трех последующих произведений: «Азатлыкь» («Воля»), «Ташыуул» («Тяжелые жернова»), «Сыйрат кёпюр» («Мост Сират»). В вышеперечисленных романах в различном ракурсе, под новым углом зрения, в удаленных временных плоскостях изображается местность, на авансцене которой раскрываются драматические изломы этнической истории. Узловые моменты продолжающейся эпической саги об ауле Жамауат, скрепляют три автономных текста. Такая композитная структура, как раз, – пример несоблюдения хронологии описываемых событий, поскольку для писателя последовательность не суть важна. Первый роман охватывает военную эпоху, следующий обращен к более раннему историческому периоду – гражданской войне, в третьей же части нашли отражение трагические события выселения.

Итак, роман «Воля» охватывает историко-революционные преобразования на Кавказе, в «Тяжелых жерновах» описываются годы оккупации во время Великой Отечественной войны, в романе «Мост Сират» повествуется о депортации (последний становится кульминацией оформленных ранее размышлений автора о судьбе нации, в нем подытоживается выведенная красной линией идея отрицания любого насилия). Тексты объединяет общегуманистическая проблематика, сквозной мотив исторической памяти, мысль об ответственности человека за будущее народа. Многомерное художественное зрение автора фокусно отражает человеческие судьбы на фоне значимых эпохальных событий. Писателем кропотливо, по крупицам собраны и подведены под единую смысловую доминанту перипетии народной жизни. В эпической прозе А. Теппеева неизменными остаются трагическое мироощущение, интерес к исторической проблематике. Драматического накала достигает иллюстрация человеческих судеб, эпохальность и масштабность авторской мысли служат подтверждением творческой зрелости балкарского прозаика.

Исходя из сформировавшегося образного ряда и мотивных сближений, можно соотнести также содержание повести «Кюн батмайды» («Солнце не заходит») с романом «Мост Сират». В обозначенных текстах присутствует дублируемый образ старца Хамзата – воплощение национального характера, художественный слепок типических черт горца. Более того, в обоих произведениях воспроизводится символический эпизод похода главного героя и его внука в Тагылы кьол (Родниковую долину).

А. Теппеева часто называют продолжателем традиций М. Шолохова. Это заметно как в выстраивании художественной конструкции романов, так и на ценностном уровне его произведений. Личности теппеевских героев представлены в их «общественно-исторической обусловленности» [Толгуров 2010: 199]. В центре внимания художника этические, социальные и мировоззренческие категории, необходимость духовного выбора. По «шкале нравственности», предложенной писателем, персонажи находятся на различных уровнях духовного развития, каждый из них, сталкиваясь с диалектикой бытия, выражает индивидуальное отношение к окружающей действительности. Кто-то нравственно деградирует вследствие определенных жизненных ситуаций, чей-то путь характеризуется духовным прозрением, осознанием ценностей нравственно-этического

порядка, иные и вовсе возвышаются над своим временем. «Решая проблему диалектической взаимосвязи прошлого и настоящего, национального, народного и общечеловеческого, автор романа «Воля» в эпицентр своего повествования выдвигает людей с разным отношением к исторической памяти, к формам народного сознания. С одной стороны, он показывает разрушающее, деградирующее начало национального, если оно замкнуто в себе, не включено в процесс исторического движения. <...> Но не менее опасна и другая крайность: оторванность от позитивного, духовного, что накоплено предками, отсутствие исторической памяти (Кочар, Карча, Оюс)» [Толгуров 2010: 200].

Мифо-фольклорная эстетика определяется в содержании повести «Солнце не заходит» (в едином художественном поле находят отражение раздумья героев о судьбе народа, есть отсылки к древним сказаниям, транслируются архаические мифы, песни, легенды). Эпическое пространство и личностное сознание расширяются, чему способствуют мифопоэтическая образность, психологическая мотивировка человеческих поступков. Намеченные в произведении образы старца Хамзата и его внука Музафара, рефранный сюжет о Родниковой долине органично встроены в повествовательное пространство романа-эпопеи «Мост Сират», раскрыты во всей философской глубине. В произведениях проступают общие мотивы о необходимости сохранения этнических корней, единстве человека и природы, подтверждая тем самым тяготение А. Теппеева к циклическому воспроизведению однажды осмысленной темы для более полной ее раскрытия. В большей степени это проявляется в реализации темы памяти прошлого и опыта предшественников. Такова животворящая энергия, сосредоточенная в обереге Хамзата из горсти родной земли.

Роман-эпопея «Мост Сират» стал важным этапом в творчестве балкарского прозаика. Сфокусированность на духовно-нравственной составляющей человеческого бытия, стремление отследить процесс раскрытия личностных качеств героев в переломные моменты этнической истории выводят автора на качественно новый уровень художественных обобщений, раз за разом реализующихся в последующих творениях. При условии соблюдения множественности ракурсов преподнесения эпического материала, автором достигается полифония содержания, сохраняется связующая нить времен, происходит укрупнение проблематики, усиление психологизма и трагической тональности повествования.

Дистанцируясь от идеологического контекста, стоит подчеркнуть не менее ценную в практическом отношении способность писателя синтезировать в эпическом пространстве множественность смыслов, разветвленную систему полноценно оформленных образов, несовместимые, казалось бы, эпохи и тенденции времени. В прозе автора обрисованы неоднозначные, противоречивые, сомневающиеся или убежденные в непреложности следуемым истинам герои. Не лишённые реалистической достоверности, они иллюстрируют множество граней человеческой души.

В творчестве А. Теппеева сконцентрирован внушительный по охвату материал, художественный конфликт его романов и повестей обосновывается действительностью изображаемых эпох. Герои отмеченных произведений характе-

ризируются четкой гражданской и жизненной позицией, индивидуальным мировоззрением. В поисках истины они проходят все стадии личностной эволюции, при этом автор не исключает ошибок, преград и трудностей, преодолевая которые, в итоге осознают собственные заблуждения, приходят к переосмыслению себя и окружающего мира с точки зрения нравственно-этических категорий. Люди, вовлеченные в исторический процесс (в ход истории), неминуемо сталкиваются с ситуацией выбора. Это необходимое условие для того, чтобы проявились свойственные той или иной личности качества характера. Цельность в восприятии действительности, предопределенность истории, взаимообусловленный характер жизненных обстоятельств – все это находит отражение в прозе балкарского писателя.

Значимыми в оценке эстетической впечатляемости представленных текстов являются стремление художников к постижению человеческой психологии, познанию мира и исторического прошлого народа, обличение явных противоречий общества, что придает произведениям классиков национальной литературы подчеркнуто эпопейный характер. Вышеперечисленные моменты переплавлены писателями в незыблемые первоосновы жизни в исследуемых эпических сериях и романских циклах.

Самодостаточность отдельных частей прозаического цикла может проявляться как в содержательном компоненте, так и в плане выражения. Иногда различия обнаруживаются в жанрово-видовом отношении (повесть плюс роман), отмечается несоразмерность частей в объеме и масштабе отражения первичной идеи. В конструкции повествовательных циклов целесообразно учитывать принадлежность произведений к определенному жанру. Авторская циклизация в целом допускает объединение разножанровых произведений в повествовательную целостность, она проистекает из ориентированности текстов на раскрытие единой проблематики, интерпретацию общих мотивов и идей. Сближение может происходить на основе субъекта повествования, выражаться в художественной концепции романов, воспринимаясь вне контекста в сопрягаемом идейном поле.

Как известно, в заглавиях политекстовых конструкций может содержаться авторская установка на восприятие представленных произведений как частей целого. Наличие заглавий подчеркивает запрограммированность повествовательного цикла. Более того, в завершении книги писатель фокусирует читательское восприятие на ожидание продолжения, прочерчивая внутреннюю логику эпического действия. Так могут складываться многотомные романские циклы и эпические серии. В образовавшемся циклическом единстве главенствует принцип контекстных отношений между частями полилогий. Такие серийные повествования создавались на протяжении десятилетий в процессе эпической циклизации. Исходя из структурных признаков, большинство из них могут быть охарактеризованы как «циклические романы», поскольку в завершенном виде представляют собой ансамблевое единство из нескольких самостоятельных книг.

Одним из первопроходцев на пути создания полилогических форм стал балкарский прозаик З. Толгуров. В своем творчестве писатель не раз прибегал к

возможностям художественной циклизации, наметив в форме эпической серии равноценные социально-исторические романы «Жетегейле» («Большая медведица» – 1982), «Кёк гелеу» («Голубой типчак» – 1993), «Акь жыйрыкъ» («Белое платье» – 2005). Это сгенерированное автором циклическое единство. В целом любой художник наделен полномочием на «самостоятельное ранжирование доминантных и периферийных принципов конструирования художественного целого» [Пономарева 2014: 102]. Публикация романа «Большая медведица» явилась знаковым событием национальной литературы. Социально-политическая острота произведения не теряет актуальности и в наши дни, поскольку в нем анализируются факторы, обусловившие социальные, идеологические и межличностные конфликты.

Эпическая серия балкарского прозаика обстоятельно проанализирована в диссертации Ж. Гутаевой «Романы З. Толгурова: единство художественной системы, национальная специфика, поэтика» [Гутаева 2012]. В работе дается оценка концептуально сопрягаемым художественным полотнам с точки зрения жанрово-стилевой специфики, архитектоники, идейно-композиционных особенностей, образной парадигмы и методов реализации хронотопа. В диссертации выявлены внутрижанровая типология и историко-культурный контекст рассматриваемых произведений.

Выявляя жанровую природу романов З. Толгурова, автором четко проговаривается определение текстов как частей трилогии. Вместе с тем убедительной аргументации в пользу данного вывода не приведено. Мнение исследователя допустимо рассматривать как рабочую гипотезу, однако, если придерживаться терминологической точности, можно оспорить высказанное утверждение. В «целях теоретической корректности» следует прибегнуть к верификации их структуры и возможных содержательных, образных параллелей. Такая импровизированная полилогическая форма относительно условна, поскольку не основана на соподчинении (хотелось бы сакцентировать внимание на этом слове) текстов в содержательном плане, линейной связности частей / книг и наличествующих сквозных персонажах, как в принципе заложено в поэтике диалогий и трилогий. Взаимобусловленность между текстами отсутствует, событийный ряд едва ли можно назвать единым. В романах, безусловно, намечены контекстуальные переклички, но их единство остается номинальным ввиду того, что художественная целостность произведений окончательно не преобразована до уровня полноценной трилогии. Мы частично разделяем выводы исследователя относительно того, что в конструктивном плане романы З. Толгурова составляют эпическую серию (это пример «несобранного» авторского цикла). В организованном писателем контексте автономные произведения примыкают к повествовательному циклу, исходя из последовательности отражения исторических эпох и в соответствии с идейной доминантой.

Следует учесть, что тенденция к соотнесению трех указанных романов изначально задана заголовком первой книги. Подзаголовки, как известно, подтверждают взаимосвязь одного текста с другим (к примеру, так произошло с «Петербургскими повестями» Н. Гоголя). Они «не только расширяют и углубляют содержание цикла, но и указывают на конструктивную роль цитаты в ор-

ганизованном ансамбле» [Фоменко 1990: 24]. Заявленная писателем позиция может служить циклообразующим фактором, так как заглавию отведена функция формальной скрепы. В заголовках толгуровских романов довольно ясно прочитываются и символические обобщения. Это своего рода ключевые слова к концептуологии эпических повествований, по которым читатель может догадаться о возможных значениях. В этой связи, опять же, уместна отсылка к размышлениям И.В. Фоменко о том, что «антологизм заголовка» играет роль «сборной цитаты» [Фоменко 1990: 24]. По мнению ученого, «заглавие оказывается структурной основой книги, которая развертывается в модель мира» [Фоменко 1990: 26].

Принимая во внимание высказанные аргументы, есть основание полагать, что романы З. Толгурова образуют эпический цикл или серию, скрепленную авторской концепцией. В данном случае гипотетически допустимо признание цикличности романских повествований, исходя из соблюденной писателем хронологии событий эпохального значения. Герои произведений вовлечены в «водоворот истории», художником осмыслены значимые периоды этнического прошлого, т.е. история страны, народа, семьи и отдельной личности отражена поэтапно. Вместе с тем каждое повествование самодостаточно, представляя собой абсолютную целостность благодаря завершенности сюжетных линий.

Повествуя о судьбах отдельных людей, прозаик объективизирует историю, которая подается не только как свершившийся факт, но результат осознанных действий, как следствие ошибок и просчетов власти. Для автора довольно значим субъективный фактор, мотивация отдельной личности, гражданская позиция героев, их нравственно-этическая ориентированность. Данное обстоятельство дает персонажам романов З. Толгурова возможность проявить свой духовный потенциал, иллюстрирует степень осмысленности ими собственных действий, показать органичность развития личности либо выявить ее социально-нравственную ущербность. Результатом такого требовательного отношения к творчеству становится весомое ценностное содержание произведений и значительные художественные обобщения.

Емкая философская проблематика мотивирует выбор сложной структуры, имеющей логическое продолжение в последующих текстах, позволяя вдумчиво осмыслить тему. Укрупненная модель реальности вырисовывается в комплексе этих взаимодействующих частей. Соотношение категорий пространства и времени в романах зачастую неравноценно, своеобразно реализован и принцип конструктивной организации текста. В итоге в рамках образующегося эпического цикла все книги равнозначны. «Романы Толгурова в этом смысле находятся на передовом краю эволюции повествовательных жанров вообще, являя собой – в структурном, философско-концептуальном и образном планах – наиболее развитые примеры большой прозаической формы» [Толгуров 2003: 350].

В ходе исследования структурно-содержательных особенностей анализируемых художественных полотен определяются эффективные механизмы, посредством которых писателем раскрываются причинно-следственные связи социально-политических явлений. В романах «Большая медведица», «Голубой типчак» и «Белое платье» история определенно получает «философское, психо-

логическое, нравственное осмысление с позиций мироощущения отдельной личности – носителя чувств, эмоций, миропонимания своего народа» [Пономарева 2014: 106]. Благодаря сложным композиционным решениям, автором представлен широкий срез нескольких эпох. Произведения З. Толгурова полномасштабно раскрывают события исторического значения, их характеризуют эпохальность, народность, объективная оценка прошлого.

Очевидно, что в серии романов балкарского прозаика история «выступает полновластным демиургом, организующим сюжет, мотивирующим характеры» [Гутаева 2012: 13]. Все три книги объединяются лейтмотивом исторической памяти, социально-политической проблематикой, хроникальностью сюжетных линий, прогрессивным развитием авторской мысли. На цикличность сложившейся структуры указывает и единая хронотопическая модель произведений, совмещение в их художественном пространстве последовательной смены архаики и современности в «попытке заглянуть в первоисток бытия своего народа» [Тхагазитов 2006: 7]. Писатель отходит от идеологической регламентированности в трактовке истории, что характерно для абсолютного большинства литературных произведений в прошлом. В прозе З. Толгурова взаимопроникают элементы семейной хроники (жизнь и противостояние двух поколений горских семей в «гендерном выражении»), историко-философского романа и автобиографической прозы [Гутаева 2012: 11].

Концептуальное ядро импровизированного романного цикла составляет ценностная парадигма национального сознания. Немаловажными в постижении образно-символического контекста рассматриваемых произведений видятся афористичность и семиотическое богатство языка. В полилогии пунктирно выведена мысль о необходимости сохранения крепости и нерушимости семейных связей, индивидуальной ответственности каждого за будущее рода. Писателю важно было обозначить специфику национального сознания в образах главных героев, показать весомость родового мышления. Материал толгуровских произведений иллюстрирует «общенародный масштаб» процесса разрушения семейных уз, общинных связей, отрыва героев от этнических корней, и, как следствие – постепенной нравственной деградации (на примере романских героинь Айшат и Аскерхан). В этом плане неопределима роль символических обобщений – это и полноводная *река*, теряющая себя, вливаясь в море («Большая медведица»); и *дерево* с отсеченными корнями, лишенное поддержки родной земли («Голубой типчак»); и *белое платье* как символ духовной чистоты и осознанного отказа героини от духовных ценностей семьи («Белое платье»).

В обозначенных романах особая функция отведена мифологемам: лейтмотивные образы созвездия Большой медведицы (Жетегейле), дерева, голубой травы (типчак), олицетворяющей идеологический прессинг; символические параллели с судьбой народа на примере скакуна Алакёза, выступающего в качестве гуманистического идеала, волчицы Гажай; голубя и райской птицы; великанов-эмегенов, противостоящих нартам. Отмеченные элементы «являются своего рода мифопоэтической «декорацией» ко всей романной панораме» [Гутаева 2012: 16]. В контексте «Голубого типчака» дерево увязывается с мотивом оторванности от своих корней, утраты идентичности. В «Белом платье» тот же образ присутству-

ет как аналогия со священным деревом Раубазы (в текст романа внедрен эпизод, когда на ветвь груши садится голубь – неприкаянная душа женщины, разъединенной со своим ребенком и трагически погибшей во время ссылки), возвещая надежду народа «на духовное возрождение» [Гутаева 2012: 18].

Однако вернемся к теме. Изначально «Большая медведица» задумывалась как первая книга дилогии, о чем свидетельствует наличие заглавия (Биринчи китап – Первая книга). Таким образом, в художественном тексте имплицитно содержится намек на возможное продолжение. Хотя в последующих двух текстах подобных заглавий не обнаруживается. Далее, используя необычные конструктивные ходы, писатель подвергает текстовый массив романов перегруппировке, чтобы достичь намеченной цели. Подчиняясь эпическому размаху собственного замысла, З. Толгуров создает «мегакомпозицию», разрабатывает «хроникальный принцип исследования истории» (В. Соболенко), благодаря которому панорамная картина нескольких эпох получает всеохватность в трех романах. Глубокое понимание исторических закономерностей определяет своеобразие всего эпического творчества писателя.

Произведение «Большая медведица» объединило в себе основополагающие черты романной формы и эпопеи, поэтому в толковании художественного текста узловыми будут принцип историзма и категория народности. Обязательными условиями эпохальности, как известно, являются энциклопедический охват народной жизни, раскрытие личности героя в сопряжении с историей этноса, вовлеченность отдельного человека в процесс смены форм общественного устройства, выявление социальных противоречий, борьбы полярных мировоззрений и т.д. Все это способствует протяженности повествования во времени и пространстве, вбирая огромный исторический интервал. Автор берет курс на отражение психологических трансформаций и искажений в сознании главных героев в условиях стихийно меняющейся социально-политической ситуации (на примере Нуха и Казака). Писатель стремится показать истинную подоплеку происходящих событий, иллюстрируя трагические судьбы людей, втянутых в идеологические реформы. Так читатель получает возможность просмотреть человеческие биографии в режиме реального времени. «Действительность в произведении подается в авторской интерпретации. З. Толгуров берется решить в своем романе довольно сложную задачу: проследить духовное развитие характеров, многоаспектно раскрывая факты исторического значения в ракурсе межличностных отношений» [Болатова (Атабиева) 2019: 145]. Использование романной техники и ресурсов эпопейного повествования благоприятствует осмысленной подаче действительных картин.

Историческая хроника с привлечением подтверждающих документов, архивных данных, панорам сражений, массы деталей и подробностей создает необходимый повествовательный фон. Этот эффект усиливается активным внедрением идиоматических выражений, фразеологических оборотов, диалектизмов, пословиц и поговорок, щедро рассыпанных по всему тексту. Писатель сохраняет этническую специфику преимущественно через речевые контрасты, обороты, языковые особенности, которые являются прямым указанием на социальное положение персонажей, либо используются для обозначения антагани-

стических сил. Не менее важным в передаче этнического колорита видится и бытописание сельской жизни. В языке романа задействованы эпическое и лирическое начала, особым функционалом наделена монологическая речь, способствующая конкретизации образов, да и сама идейная основа книги прочитывается в пространственных размышлениях героев.

XX век явился эпохой тяжелых испытаний для народа и всей страны, люди оказались втянуты в процесс революционных преобразований, попав в тиски двух войн (Первой мировой и гражданской). В изображении самой войны художника интересует непосредственное восприятие включенных в этот процесс людей. Крушение привычного патриархального уклада жизни привело к растерянности народа, внутреннему неприятию и сомнениям. Общество разделилось на два непримиримых лагеря, враждующие стороны перетягивали в свои ряды как можно больше последователей, и лишь немногие были способны идти своим путем. В формате повествования «Большой медведицы» З. Толгурова такой личностью является Казак, выступающий в роли «творца истории». Судьба персонажа тесно переплетена с судьбой балкарского народа в пору исторических катаклизмов. «Установка на постоянно ищущего героя» является необходимым качеством романа-эпопеи [Соболенко 1986: 98]. Казак – герой ищущий, порой заблуждающийся, но осознающий собственные ошибки и неизменно стремящийся к постижению истины. В этом собирательном образе писатель ярко и емко сумел отразить национальный характер, продемонстрировать сложный процесс духовного становления и самоидентификации личности. Автору романа удалось срисовать «топографию души» своих героев в «точечных» психологических реакциях, состояниях фрустрации, обманутых ожиданий и потери ориентиров. В произведении получили отражение наиболее острые социально-нравственные, этические аспекты взаимоотношений людей, затрагивая сферы идеологических, мировоззренческих, межличностных коммуникаций.

Следующий роман З. Толгурова «Голубой типчак» также может претендовать на эпичность. Народная история получает в нем реалистически достоверное отражение через семейную хронику (образы Халимат, ее сестер и сына Крыма). Сложные взаимоотношения главной героини с сестрой Айшат обуславливают неразрешимый внутрисемейный конфликт. Писателем осуждается бездуховность человека, действия которого мотивированы исключительно жадностью собственного обогащения. «Через весь роман сквозной линией проходит тема отсеченных корней, безродности. «Человек не живет без корней, как и дерево» – эта мысль неоднозначно звучит в тексте и в подтексте произведения, находя подтверждение в поступках и судьбах героев» [Гутаева 2012: 12]. Особенно отчетливо эта линия проявляется на примере мальчика Крыма, увезенного в Россию офицером Кравцовым, выросшего вдали от родины и близких людей.

В структурно-смысловом оформлении романа «Голубой типчак» применены принцип двоemiрия и философско-мифологическая интерпретация действительности. В контекст произведения внедряются атрибуты мифического сознания. «Писатель моделирует новую художественную реальность в единстве вымысла и исторической подлинности. Эта модель становится средством постижения законов мироздания, способом осмысления нравственно-этических и со-

циальных противоречий современной действительности в условно-аллегорической подаче» [Болатова (Атабиева) 2019: 71].

В эпической прозе З. Толгурова ход истории осмыслен с точки зрения духовно-нравственных категорий. Романы балкарского прозаика можно назвать развернутыми комментариями к историческим реалиям XX века, содержащими некоторую категоричность авторских оценок в отношении событий прошлого и современности. Неотъемлемой частью эпических повествований становится мифологический параллелизм. Наблюдается «эстетически плодотворное сочетание традиций мифологического сознания с развитым современным художественным сознанием» [Тхагазитов 2006: 203].

Философская концепция «Белого платья» полемична ввиду того, что в ее содержании происходит пересмотр сложившихся стереотипов и представлений о характере реалистического повествования. «Неоднозначный характер событий переломной эпохи 1990-х транслируется путем реконструкции эпоса» [Болатова (Атабиева) 2019: 71]. Вживление архаического сюжета происходит посредством синхронного повествования, отвечающего задачам многоаспектности содержания. Глубоко продуманная архитектура художественного текста позволила поэтапно отразить в событийной части романа внушительный пласт этнической истории. Перед читателем проносятся этапы насаждения идеалов революции, коллективизации, перипетии гражданской и Великой Отечественной войн, годы депортации, постепенного возрождения народа, периода перестройки и крушения прежних институтов власти. «Сюда же вписаны микростории человеческих драм и трагедий» [Гутаева 2012: 17]. Обстоятельства жизни двух противоборствующих кланов позволяют читателю получить представление о жизненных принципах героев и об их понимании счастья. Осознание тщетности предпринимаемых попыток в его достижении усиливает драматизм человеческих судеб.

В структуре романного повествования доминирующее положение получают «мысль семейная» и «мысль историческая» (В. Соболенко). «Белое платье» – это семейно-бытовой эпос, в котором раскрывается особая атмосфера человеческих взаимоотношений, специфика национального сознания, антагонизм двух семейно-родовых традиций. Многолетнее противостояние, неразрешимость социальных противоречий демонстрируется в оппозициях Чиппо – Мисирхан, Шамгун – Зайнаф, Чапай – Аскерхан. Целостность семьи, как единения людей, нарушается. Неразвитое, инфантильное сознание подводит персонажей к пропасти (этот мотив укрупненно подан в образе главной героини Аскерхан). Следует подчеркнуть и значимость родового сознания (в кабардинской литературе характерным примером, подтверждающим высказанную мысль, служит роман Х. Теунова «Род Шогемоковых»). Одной из центральных в прозе З. Толгурова является идея универсальности человеческих проблем. Волнующие его вопросы касаются морали, духовности, нравственного выбора и подразумевают принятие решений в сложных социальных ситуациях, но не в привычной описательной манере, а в процессе внутренней борьбы человека, противостояния суровой реальности.

Эпические рамки «Белого платья» вбирают этнокультурный пласт, в повествовании получают отражение эсхатологические мотивы, формируется онтологический контекст. «Концептуальной приметой романа» (Ж. Гутаева) является осознанное мифотворчество, в произведении параллельно современной действительности обрисован мир языческих божеств, мифических великанов и нартов-богатырей. Так раскрывается специфика мифологического мировидения, иллюстрируется «цикличность общечеловеческой и национальной истории, по спиралевидной траектории, возвращающей людям «старые проблемы» и нравственные ошибки» [Гутаева 2012: 19], деактуализирующиеся программы поведения, которые требуют проработки в настоящем моменте. Данным обстоятельством объясняются периодические отсылки в прошлое, служащие напоминанием. Диалогичность структуры текста оказывается действенным средством, позволяющим героям романа выразить собственное отношение к происходящему.

Надо сказать, в эпическом наследии З. Толгурова четко прослеживается опора на национальные традиции, отражение совокупности этнического опыта. В содержании романа «Белое платье» преобладают мотивы личностного становления, раскрывается природа человека и общества, свойственные эпопейной традиции. Автор стремится отразить «мировоззренческие позиции героев, в основе которых лежит укорененность человека в семейных обычаях, нравах, в среде обитания, в способности психологически воспринять традицию родного очага и нести ее на уровне духовных ценностей» [Крутов 2006: 16]. Заметна тенденция писателя к преодолению инерции устаревших представлений о художественном конфликте, создав глубоко новаторское произведение – роман-шифр, связанный единой темой, с многомерным охватом реалий времени и жизненного уклада героев. Художник отражает онтологическую проблематику, ориентируясь на «соотнесение доли индивидуальной и родовой основы сознания личности» [Крутов 2006: 11]. Примечательно, что в романе получает раскрытие архетип хаоса, как зеркальное отражение событий политического переворота 1990-х годов. В целом роман З. Толгурова «Белое платье» – яркий пример плодотворного взаимодействия триады «миф – литература – художественный текст» [Тхагазитов 2006: 188].

Творчество балкарского прозаика наметило границы современного социально-исторического романа, в котором общественные противоречия изобличаются путем метафоризации содержания через авторскую мифологию. Художником умело создаются цепочки лейтмотивов, которые служат своеобразными «сигналами» для возникновения определенных ассоциаций в читательском восприятии. Это образы-лейтмотивы природы (звезда, река, дерево и т.д.) вкупе с мыслями-рассуждениями ведущих персонажей (Нуха и Казака, Халимат / Хаблы и Айшат, Зекерии и Аскерхан) создают широкий контекст той социальной среды, в которой герои вынуждены находиться. В текстах романов содержится максимум философских сентенций, ремарок, отступлений, ведущих к осознанию единой концепции через диалоги и монологи действующих лиц. Так в формате эпического цикла происходит воссоединение авторских размышлений о времени, истории и человеке в них.

В эволюции романного цикла ощутимую роль сыграли творческие наработки и достижения балкарского писателя А. Теппеева. Итогом нацеленности автора на полномасштабное отражение исторической действительности стали художественные полотна, созданные им в разное время (эпическая серия повествований, состоящая из трех автономных книг). В них заметны пантеистические моменты, ориентированность на переосмысление ранее затронутой темы. Так, в мифоэпическом цикле романов – «Ас-Тах», «Баязир», «Алтын Хардар» («Золотой Хардар») обыграна современная действительность в сопряжении с далеким прошлым, которое мыслится писателем лучшим временем, когда героическое превалировало в человеке. Мифологический контекст произведений обуславливает многоуровневость их композиции. «Инвариантная модель» циклической структуры романов способствовала аккумуляции колоссального объема информации с сопутствующим выявлением характера изображаемых эпох, исторических ситуаций, принципов обустройства социальных отношений, особенностей жизненного уклада, специфики менталитета, т.е. всего того, что принято называть национальной картиной мира. Чаще всего под такую классификацию подпадают романы «мозаичного типа» со специфическим выстраиванием внутритекстового единства.

Развернутое изображение способствует соотнесению различных эпох, выявлению наиболее значимого, узлового содержания, определению переломных этапов этнической истории. Изображаемые писателем события формируют определенную последовательность: эпические тексты, выстраиваемые по хронологии событий, вырисовывают жизнь народа на протяжении столетий. Завершают эту временную последовательность современные жизнеописания героев («Баязир»). Галерею персонажей составляют люди различных социальных групп и возрастов с особенностями мировосприятия.

Романы составляют художественное единство по общности на уровне проблематики и мифологической системы образов, целостности концепции и пространственно-временного структурирования. Циклическая организация взаимодополняющих друг друга произведений создается посредством монтажного сцепления, отдельные части мифоэпической серии характеризуются сменой идейно-тематического фокуса. К примеру, в романе «Баязир» сцена перехода персонажа из современной действительности в жизнь прошлую играет ключевую роль в разъяснении последующего развития эпических событий, в понимании авторского замысла, постижении нравственных основ во взаимоотношениях поколений. Ситуации, описываемые в тексте, образуют «новую бытийную нишу».

Примечательным является и то, что анализ многомерной структуры романного цикла А. Теппеева позволяет постичь специфику мировоззрения писателя, в полной мере раскрыть внутренний мир представленных персонажей, понять логику их действий, уловить связь между ощущениями героев и авторским восприятием. В содержании эпических повествований сильны мифо-фольклорные и социально-философские мотивы, что дает возможность классифицировать их как «философско-аллегорические романы». В них воплощено движение языческой истории этноса в индивидуальном прочтении. Поликультурный пласт, мотивы древних легенд, сказаний, мифов получают новое дыха-

ние и так же органично вписываются в контекст современности. Яркие портреты теппеевских героев несут определенную идейно-эстетическую нагрузку. Писатель отходит от муссируемых прежде типовых образов, создаваемых в соответствии с идеологическими стереотипами, для него важна этническая составляющая в оценке характеров, национальная основа их мировидения.

Произведения А. Теппеева являются подтверждением самобытного прошлого народа, тесно переплетенного с историей других этносов. Герои отмеченных романов (Аркес, Баязир, Добуллу) исповедуют собственную систему ценностей, являются носителями исконно национальных черт. Благодаря таким параллелям происходит процесс самоидентификации, создается «духовное пространство этнического существования балкарцев» [Габаева, Теппеев 2010: 684]. Анализируемые произведения представляют собой хронотопический цикл повествований о далеком прошлом этноса. Не следует забывать, что «народное мировосприятие» мыслится «как один из национально своеобразных, социально и исторически детерминированных типов художественного сознания» [Тхагазитов 2006: 190]. Они воспринимаются как признание абсолютного пиетета отшлифованного веками этнического (мифологического) сознания, утверждением мысли о важности сохранения генетической (родовой) памяти. Информация о древней истории считывается в совокупности определяющих черт и признаков каждой представленной языческой эпохи. Здесь также реализован характерный для писателя прием умолчания. Философский и социальный планы произведений, формирующих импровизированную серию, подаются в сопряжении. Каждый действующий персонаж в упомянутых текстах является порождением времени и среды, он волен выражать свою мировоззренческую позицию, будучи вовлеченным в непрерывное течение времени, в ход самой истории. Индивидуальное духовно-ценностное восприятие диктует героям А. Теппеева определенную модель поведения и мотивирует на дальнейшее развитие. Смутное время требует от них активных действий, решительности, самоопределения в вопросах нравственно-этического, социально-общественного порядка. Ремарки, закадровое присутствие автора, индивидуальная концепция писателя укрепляют в определенном мнении относительно событийного плана, ориентируют на верное истолкование исторических эпизодов и адекватную оценку архаических (равно языческих) явлений.

В контексте произведений позднего периода творчества А. Теппеева возникает ряд тематических линий, свидетельствующих о значительных изменениях в художественном мире писателя. Романы «Ас-Тах», «Баязир», «Золотой Хардар» стоят особняком в литературном наследии автора, демонстрируя новые тенденции в творческом стиле. Комментируя замысел писателя, оценивая художественный уровень мифопоэтической серии, а также круг затронутых в ней проблем, следует указать на соразмерность соотношения фактического материала и художественного вымысла. Произведения созданы на основе древних мифологических представлений, поэтому изобилуют аллюзиями и фольклорными реминисценциями, важную роль в раскрытии концептуального смысла играют как языческие мотивы, так и символическая образность.

Вышеприведенные образцы повествовательных циклов и эпических серий отдельных авторов свидетельствуют о том, что модификации романной формы в балкарской эпической прозе достаточно разнообразны и представлены во множестве вариаций. Анализ материала национальной литературы в заявленном аспекте иллюстрирует нацеленность писателей на раскрытие актуальных тем своего времени посредством полилогий. «Цикл романов – это авторский контекст нового типа, воспринимающийся как история духовного становления личности» [Атабиева 2023: 229].

Подытоживая идейно-смысловой, структурно-содержательный анализ текстового материала балкарских романов, наиболее показательных в ракурсе исследуемого вопроса, можно аргументированно относить произведения отмеченных прозаиков к полилогическим структурам, синтезировавшим в себе основополагающие признаки соответствующего жанра. Они позволяют примерно отследить процесс становления этой крупномасштабной эпической формы в национальной литературе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Атабиева 2023 – *Атабиева А.Д.* Циклические структуры в карачаево-балкарской литературе. – Нальчик: Принт-Центр, 2023. – 248 с.

Бардыкова 2010 – *Бардыкова И.В.* «В поисках утраченного времени» М. Пруста как циклическое единство // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 24 (95). – Вып. 8. – С. 12–21.

Баланчук 2010 – *Баланчук О.Е.* Диалогия в русском литературном процессе: генезис и эволюция // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 2 (Т. 1). – С. 7–16.

Баланчук 2012 – *Баланчук О.Е.* Эпическая диалогия XIX века: специфика бытования // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 3 (1). – С. 376–380.

Болатова (Атабиева) 2019 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Принцип художественной условности в карачаево-балкарской литературе. – Нальчик: Принт Центр, 2019. – 264 с.

Габаева, Теппеев 2010 – *Габаева А., Теппеев А.* Алим Теппеев // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 663–684.

Гутаева 2012 – *Гутаева Ж.Ж.* Романы З. Толгурова: единство художественной системы, национальная специфика, поэтика: дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2012. – 174 с.

Дарвин 1996 – *Дарвин М.Н.* Циклизация в лирике. Исторические пути и художественные формы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1996. – 43 с.

Крутов 2006 – *Крутов Ю.И.* Генезис и трансформации эпических жанровых признаков в прозе XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 26 с.

Нестерова 2012 – *Нестерова С.В.* Циклическое текстопостроение в малой эпической прозе: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2012. – 190 с.

Мирошникова 2011 – *Мирошникова О.В.* Стихотворение и цикл в архитектонике лирической книги // Филология и человек. – 2011. – № 3. – С. 108–116.

Пивоварова 2018 – *Пивоварова Е.Л.* Принцип циклизации как эксперимент в прозе в начале XX в.: к постановке вопроса // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 40–43.

Пономарева 2014 – *Пономарева Е.В.* Циклизация и серийность малой прозы как явление литературного процесса XX–XXI вв. // Литературоведческий журнал. – 2014. – № 1. – С. 100–118.

Соболенко 1986 – *Соболенко В.* Жанр романа-эпопеи (Опыт сравнительного анализа «Войны и мира» Л.Н. Толстого и «Тихого Дона» М. Шолохова). – М.: Художественная литература, 1986. – 205 с.

Толгуров 2010 – *Толгуров З.Х.* Балкарская литература 60–70-х годов // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 183–204.

Толгуров 2003 – *Толгуров Т.З.* Зейтун Толгуров // Биобиблиографический словарь «Писатели Кабардино-Балкарии XIX – конец 80-х гг. XX в.». – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. – С. 346–351.

Тхагазитов 2006 – *Тхагазитов Ю.М.* Эволюция художественного сознания адыгов (опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). 2-е изд-е, перераб. и доп. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 280 с.

Фоменко 1990 – *Фоменко И.В.* Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 32 с.

Шрага 2009 – *Шрага Е.А.* Прозаическая циклизация и ее роль в русском литературном процессе 1820-30-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009. – 23 с.

REFERENCES

ATABIEVA A.D. Ciklicheskie struktury` v karachaevo-balkarskoj literature [Cyclic structures in Karachay-Balkar literature]. – Nal`chik: Print-Centr, 2023. – 248p. (In Russ.).

BARDY`KOVA I.V. «V poiskax utrachennoogo vremeni» M. Prusta kak ciklichesкое edinstvo ["In Search of Lost Time" by M. Proust as a cyclical unity]. In: Nauchny`e vedomosti. Seriya: Gumanitarny`e nauki. – 2010. – № 24 (95). (In Russ.).

BALANCHUK O.E. Dilogiya v russkom literaturnom processe: genezis i e`volyuciya [Dilogy in the Russian Literary Process: genesis and Evolution]. In: Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. – 2010. (In Russ.).

BALANCHUK O.E. E`pichesкая dilogiya XIX veka: specifika by`tovaniya [The epic dilogy of the XIX century: the specifics of existence]. In: Vestnik Nizhegorodskogo unstituta im. N.I. Lobachevskogo. – 2012. (In Russ.).

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. Princip xudozhestvennoj uslovnosti v karachaevo-balkarskoj literature [The principle of artistic convention in Karachay-Balkar literature.]. – Nal`chik: Print Centr, 2019. – 264 p. (In Russ.).

GABAEVA A., TEPPEEV A. Alim Teppeev [Alim Teppeev]. In: Oчерки istorii balkarskoj literatury`. – Nal`chik: Resp. poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g., 2010. – P. 663–684. (In Russ.).

GUTAEVA Zh.Zh. Romany` Z. Tolgurova: edinstvo xudozhestvennoj sistemy`, nacional`naya specifika, poe`tika [The novels of Z. Tolgurova: the unity of the artistic system, national specifics, poetics]: dis. ... kand. filol. nauk. Nal`chik, 2012. – 174 p. (In Russ.).

DARVIN M.N. Ciklizaciya v lirike. Istoricheskie puti i xudozhestvenny`e formy` [Cyclization in the lyrics. Historical paths and artistic forms]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 1996. – 43 p. (In Russ.).

KRUTOV Yu.I. Genezis i transformacii e`popejny`x zhanrov`x priznakov v proze XX v. [Genesis and transformations of epic genre features in the prose of the XX century]: aftoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. – 26 p. (In Russ.).

NESTEROVA S.V. Ciklichesкое tekstopostroenie v maloj e`picheskoj proze [Cyclic text construction in small epic prose]: dis. ... kand. filol. nauk. Tver`, 2012. – 190 p. (In Russ.).

MIROSHNIKOVA O.V. Stixotvorenie i cikel v arxitektonike liricheskoj knigi [A poem and a cycle in the architectonics of a lyric book]. In: Filologiya i chelovek. – 2011. – № 3. – P. 108–116. (In Russ.).

PIVOVAROVA E.L. Princip ciklizacii kak e`ksperiment v proze v nachale XX v.: k postanovke voprosa [The principle of cyclization as an experiment in prose at the beginning of the 20th century: to raise the question]. In: Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2018. – № 1. – P. 40–43. (In Russ.).

PONOMAREVA E.V. Ciklizaciya i serijnost` maloj prozy` kak yavlenie literaturnogo processa XX–XXI vv. [Cyclization and serialization of small prose as a phenomenon of the literary

process of the XX–XXI centuries]. In: Literaturovedcheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – P. 100–118. (In Russ.).

SOBOLENKO V. Zhanr romana-e`popei (Opy`t sravnitel`nogo analiza «Vojny` i mira L.N. Tolstogo i «Tixogo Dona» M. Sholoxova) [The genre of the epic novel (The experience of comparative analysis of "War and Peace by L.N. Tolstoy and "The Quiet Don" by M. Sholokhov)]. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1986. – 205p. (In Russ.).

TOLGUROV Z.X. Balkarskaya literatura 60–70-x godov [Balkarian literature of the 60-70's]. In: Ocherki istorii balkarskoj literatury`. – Nal`chik: Resp. poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g., 2010. P. 183–204. (In Russ.).

TOLGUROV T.Z. Zejtun Tolgurov [Zeitun Tolgurov]. In: Biobibliograficheskij slovar` «Pisateli Kabardino-Balkarii XIX – konec 80-x gg. XX v.» – Nal`chik: Izdatel`skij centr «E`l`-Fa, 2003. – P. 346–351. (In Russ.).

ТКНГАЗИТОВ Ю.М. E`volyuciya xudozhestvennogo soznaniya ady`gov (opy`t teoreticheskoy istorii: e`pos, literatura, roman) [The evolution of the artistic consciousness of the Adygs (the experience of theoretical history: epic, literature, novel)]. – Nal`chik: E`l`brus, 2006. – 2-e izd-e, pererab. i dop. – 280 p. (In Russ.).

FOMENKO I.V. Poe`tika liricheskogo cikla [The poetics of the lyrical cycle]: avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk. M., 1990. – 32 p. (In Russ.).

SHRAGA E.A. Prozaicheskaya ciklizaciya i ee rol` v russkom literaturnom processe 1820-30-x gg. [Prose cyclization and its role in the Russian literary process of the 1820s and 30 years.]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. SPb., 2009. – 23 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Д. Атабиева – кандидат филологических наук.

Information about the author

A.D. Atabieva – PhD (in Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 07.11.2024 y.; approved after reviewing 12.12.2024 y.; accepted for publication 27.12.2024 y.